

МОРЕ ЧУДЕС — ВЕЛИКОЕ ЧУДО. ГЛОБАЛЬНЫЙ КИТАЙ

Аннотация

Колоссальная мутация глобализации не была напрямую связана с Китаем. В философском смысле именно «диалектика модернизации», если понимать этот термин как некий диалектический скачок, происходит немного по-другому, чем нам представлялось.

Китай, с одной стороны, вполне осмысленно, а с другой — по стечению обстоятельств предстал подготовленным к глобализации.

Для Китая глобализация является подлинным началом модернизации. Китай — это диалектика коммунизма. Для Китая глобализация — новый Голем, с которым он знает как справиться, более того, он принял его в качестве основы своего ускоренного развития. Китай сохранил всю последовательность развития индустриального и постиндустриального (даже преиндустриального) общества в своей новой стратегии. Такие понятия, как общество знаний и информации, социальный капитал, государственный долг, приобретают все новые грани и смыслы.

В этой ситуации США как единственная сверхдержава осуществляла оборонительно-наступательную стратегию. Китай, согласно своим принципам и идее, демонстрирует поведение, соответствующее основным принципам наступательно-оборонительной стратегии, при помощи которой он уже сегодня стабилизирует ситуацию в мире. Китай борется с такими явлениями, которые мы можем лишь с трудом представить.

Ключевые слова: Китай, теория глобализации, теория функциональных систем, коммунизм, посткоммунистический мир, конец истории, кризис государства, монетаризм, империализм, манипуляции, борьба ценностей, индивидуализм.

Автор

Эндре Кисс

Профессор истории философии
Университета имени Лоранда Этвёша (Будапешт),
профессор Еврейской интеллектуальной истории
Будапештского университета еврейских исследований
(Будапешт, Венгрия)

Всемирный исторический поворот в 1989 г. — выдающийся этап в процессе становления глобализации. Ему предшествовал тот факт, что до 1989 г. явное существование двух политических режимов ограничивало процесс глобализации, зажав в конкретных незамысловатых рамках акторов между ними. Каждый отдельно взятый элемент глобализации мог проникнуть сквозь эти режимы только ценой невероятных усилий.

Резкий скачок в развитии глобализации, начавшийся в 1989 г., привел к осуществлению одного из возможных

сценариев процесса глобализации, а именно — осуществил версию, связанную с монетаризмом и международным долговым кризисом. По этой причине всепроникающее действие глобализации будет и дальше связано как с вопросами монетаризма, так и с проблемой международного долгового кризиса.

Одной из наиболее важных и одновременно крайне сложных областей социально-философского исследования глобализации является способ постоянно продолжающегося взаимодействия ее функциональных и нефункциональных

элементов, то есть, каким образом они взаимосвязаны, как детали механизма. Чем больше глобальные процессы реализуют свой глобальный характер, тем ярче они проявляют свои собственно функциональные характеристики. С теоретической точки зрения функциональные и нефункциональные элементы гетерогенны, но с практической точки зрения они равноценно вплетаются друг в друга органическим образом.

Поэтому глобализация — это не новый, прежде неизвестный центр власти и силы; не мировое правительство, но по своей сути это качественно новая система отношений всех ее участников. Одной из специфических особенностей глобализации является возможность всех участников получить доступ к глобальным процессам и международным связям довольно «демократическим» путем. Вполне разумно охарактеризовать явление глобализации, его теоретическую основу критериями доступа и доступности. Но в этих же критериях находим и две самые слабые точки глобализации. Глобализация разрушает целый ряд явных различий и ограничений путем обеспечения всеобщей полной доступности благ. В этом смысле глобализация «демократична»: возможность участия в глобальных процессах может в перспективе наметить появление новой концепции «равенства прав» («equality»). Процессы глобализации, содержащие элементы дискриминации в динамичном процессе своего развития, будут довольно противоречивыми не только в теоретическом, но и в практическом плане. Баланс будет зависеть от окончательного соотношения сил между демократиями, от равенства возможностей акторов и от силы дискриминационного взаимодействия, то есть происходящих саморазрушительных социальных процессов в области действия первых двух тенденций.

Важнейшие процессы глобализации являются частью развития

современного рационализма. Однако процесс современного рационализма невозможно представить без упоминания термина эмансипации, который имеет большое историческое значение. Рационализация, «разочарование» (entzauberung), «диалектика Просвещения» должны проявиться здесь в новом контексте. Концепция эмансипации должна появиться и в историко-философском дискурсе всемирно-исторического «прощания» с мифами. Все критические замечания современной рациональности возникли из-за несостоявшейся эмансипации, хотя ее необходимость возрастала параллельно с развитием рационализации. Ее отсутствие могло бы означать, что процессы рационализации и глобализации находятся в опасности.

Связь с современностью в философско-историческом плане является решающей и применяется не только для определения образа потенциальных врагов. В позитивном плане она является важной, так как в нескольких ключевых факторах глобализация, фактически возникшая на почве современности, подчеркнет и все значимые к этому времени достижения современности. Что касается типичных базовых характеристик сегодняшнего мира, то это не глобализация в чистом виде, не интеграция сама по себе, но эти процессы через призму государственного долга, который характерен для каждого государства.

Новый интересный компонент глобализации — это фактор собственных особенностей каждого игрока. Мы также можем использовать этот термин, чтобы описать политическую и социальную реальность периода, предшествующего глобализации. С появлением глобализации началась новая эпоха в истории этого термина, в частности из-за того, что глобализация освобождает индивидуальных акторов от организационной и естественной взаимосвязи с политическими и социальными явлениями, главным образом от социальных

групп. Глобализация по-новому организует всю совокупность акторов. Это означает, что в конечном итоге каждый является самостоятельным актором, и это не пустая игра слов. Мы самостоятельные акторы и в теоретическом, и в практическом смысле, хотя мы еще идентифицируем эту новую сторону глобализации скорее с действительно существующими «цезаристскими» (авторитарными. — *Примеч. переводчика*) характеристиками акторов, нежели с также существующими демократическими особенностями.

Одной из наиболее важных и одновременно крайне сложных областей социально-философского исследования глобализации является способ постоянно продолжающегося взаимодействия ее *функциональных и нефункциональных элементов*, то есть, каким образом они взаимосвязаны, как детали механизма. Чем больше глобальные процессы реализуют свой глобальный характер, тем ярче они проявляют свои собственно функциональные характеристики. К примеру, чем больше структура мировой экономики становится «глобальной», тем отчетливее доминируют ее функциональные характеристики. С теоретической точки зрения функциональные и нефункциональные элементы *гетерогенны*, но с практической точки зрения они *органически* дополняют друг друга.

Глобализация — это не новый, прежде неизвестный центр власти и силы; не мировое правительство, но по своей сути — качественно новая система отношений всех ее участников. Одной из специфических особенностей этой системы является «глобальность», то есть возможность всех участников получить доступ к глобальным процессам и международным связям довольно «демократическим» путем. *В глобализованном мировом сообществе взаимоотношения между Востоком и Западом меняются; роли дебиторов и кредиторов, победивших и проигравших, стали увязаны между собой в новом мировом*

порядке, который основан на новых взаимозависимостях.

Падение существовавшего социализма позволило неолиберальному политическому и экономическому укладу занять ведущие позиции, это привело к *установлению неолиберализма и либерализма вне закона*. Структурные и функциональные характеристики глобализованного мира складываются под воздействием нелиберальной теории. В этом контексте «Третий путь» выступает в качестве неравной взаимосвязи между неолиберализмом и социальной демократией.

Глобализацию рассматривают как новое беспрецедентное *мировое состояние*, как новую, уже ощутимую эпоху в *мировой истории*, которая окончательно приобрела зрелую форму в 1989 г. с отступлением от коммунизма.

Существует несколько точек зрения на периодизацию процесса глобализации. Она сильно отличается от других общепринятых исторических периодов. Поэтому необходимо четко выделить и точно обозначить важнейшие факторы развития, чтобы определить границы различных этапов глобализации.

Создание возможной внутренней периодизации глобализации имеет большое научное и методологическое значение. Во-первых, нужно отметить *теоретические вопросы, касающиеся демократии, и общие политические особенности* развития. Разные общества, а точнее разные политические сообщества, всегда должны разрабатывать для себя более сложную и детализированную картину состояния мировой политики. Существуют многочисленные примеры, в которых политики, находясь у власти, своими действиями и решениями приводили ясные доказательства того факта, что они не были осведомлены о требованиях и последствиях системы политических условий, начатых глобализацией. Эти примеры показывают, насколько важным должен быть фактор *изучения самого процесса глобализации*.

Главная проблема в выделении этапов глобализации кроется, однако, в другом аспекте — *практическом*. Здесь важно учитывать *социально-психологическое* или иначе *ментальное* измерение. Психологические ожидания и оправдание этих ожиданий — из-за всеобъемлющего характера глобализации — указывают практически напрямую на *катарсические чувства страха и надежды*. Эти ожидания, относящиеся к будущему, появляются вместе с осознанием *страдания и спасения* в Средние века наряду с пониманием предстоящего и современной действительности.

В гипотетической внутренней периодизации процесса глобализации *империалистическая* постановка вопросов *едва ли проявляется в четком виде* на первом этапе периодизации. Ему предшествовало время, когда мир был разделен на две части. Оно сильно ухудшило репутацию и значение империализма. Учитывая этот факт, не иначе как удивительно, что глобализация в теории Френсиса Фукуямы о конце истории представляется в качестве *универсальной постимпериалистической демократии* (или, как позже цитировал Фукуяму в своей работе Александр Кожев, в качестве *универсального демократического мирового государства*). Именно в таком контексте теорию Самуэля Хантингтона можно трактовать как сознательную подмену разделяемого всеми оптимизма. Его вмешательство имело целью охладить восторженные ожидания от постимпериалистического нового мирового порядка. Он формулирует это новое сообщение не в политической сфере, а в полуполитической концепции «цивилизации», в сфере международной политики, в которой широко известен Киссинджер со своим «демократическим миром Маттерниха»! (Отсылка к книге Г. Киссинджера «Восстановленный мир» (1957). — *Прим. ред.*)

Первый период глобализации представлен в сфере империалистического дискурса как время закрытых дискуссий

и осторожных действий. Уже на этой стадии внимание было сосредоточено на поиске угроз, хотя единственной *адекватной угрозой* на этой очень скрытой стадии считался *фундаментализм*.

Второй период глобализации, сложившийся в империалистическом дискурсе, вновь ввел определенную тему в международную политику. Ее можно объяснить при помощи нескольких базовых принципов. Однако в этот период не было установлено никакого существенного различия между особыми функциями глобализации и нефункциональными способами существования политических субсистем в практическом плане — политическом *en général*. Центральной мыслью *второго* этапа глобализации было утверждение о том, что на этой стадии посткоммунистической демократии и неолиберальной политики *возможный международный конфликт может быть легитимизирован исключительно с моральной точки зрения*.

В этом плане все еще показательна действенная сила исторического поворота 1989 г. Империалистические мотивы на практике были легитимны, только если их применение можно было трактовать как *ответ на квалифицированное законом нарушение прав человека*. Обсуждение проблематики международного права, сразу проявляющейся через призму этих действий, систематически пресекалось и было не должным образом передано общественности. А это значит, следовательно, что ворвавшаяся энергия, начав с малого, должна ярко проявить себя, чтобы представить публике текущие стратегические цели как *величественный ответ* на нарушение прав человека.

Третий период в истории глобализации, сформировавшийся в ходе империалистического дискурса, начался 11 сентября 2001 г. С этого времени стали видимыми *контуры новой биполярности*. Во все еще однополярном мире на первый план вышло

такое конкретное и вместе с тем неопределенное явление, как *терроризм*. Эта проблема взяла верх над другими: структурными угрозами, нарушениями прав человека и действиями сторонников фундаментализма.

Широко распространенное возрождение этого исторического феномена не предмет нашего интереса в статье, но, как бы то ни было, война в Ираке в 2004 г. попала в этот новый период, который уже был легитимизирован признанием широкомасштабной и распространяющейся идеи терроризма. По нашему мнению, смерть Усама бен Ладена в 2011 г. ознаменовала естественный конец этого периода развития глобализации (в ходе империалистического дискурса).

Биполярность этого самого *третьего* периода (исчезнувшая вместе со смертью лидера и символа террористов) состояла из двух полюсов: «мы» и «террористы». Она консолидировала целый спектр новых контактов и альянсов и сыграла роль инструментального фактора во многих других аспектах. Вследствие этого возникло новое сочетание *виртуального* и *реального* в новом биполярном мире.

Глобализация нашла ответ на один из вопросов во всемирной истории, который долгое время оставался открытым, а именно: каким образом Китай однажды сможет быть полностью взаимосвязанным с остальным миром. В соответствии с многочисленными предупреждениями, а порой и скрытым в комических высказываниях страхом перед «китайской угрозой» (концепции, связанные с опасениями потенциальной агрессии со стороны Китая и других стран Азии. — *Прим. ред.*). Этот вопрос всегда был открыт и о нем открыто говорили, а его решением могли стать, с одной стороны, очевидные меры, но с другой — непостижимые события.

Колоссальная мутация глобализации не была напрямую связана с Китаем. В философском смысле именно «диалектика модернизации», если понимать

этот термин как некий диалектический прыжок, происходит немного по-другому, чем нам представлялось. «Диалектика» означает также и то, что это новшество, не предвиденное ранее, — это что-то, что по своей величине превосходит все ранее известное, как Голем. И, подобно Голему, более не может быть подвластно его создателям.

Глобализация возвысила монетаристский неолиберализм, разрушила коммунизм советского типа, а сейчас режим, существующий в Китае, приобрел мировую известность. В начале процесс глобализации не охватил тогда еще тихую страну Китай, еще не заявившую о себе и своем величии. Многие годы мировые СМИ все еще объявляли Соединенные Штаты «единственной сверхдержавой», казалось, что такие эпитеты смогут описывать ситуацию еще долгие годы.

Недвусмысленный характер политики молчания Китая (China's silence) и провозглашения сверхдержавой США гармонично дополняли друг друга.

В то время как Китай все еще оставался в тени, нельзя ни при каких обстоятельствах сказать, что страна не смогла подготовить себя к ведению мировой политики. Более того, во многих сферах Китай был даже интенсивнее подготовлен, чем другие страны, которые часто считали себя ведущими акторами глобализации.

У нас есть ощущение, что здесь сработало бы известное предложение, изложенное Гегелем в «Хитрости разума» (*List der Vernunft*). После культурной революции и ликвидации «Банды четырех» в Китае, реформы Дэн Сяопина, начавшиеся за 10 лет до 1989 г., произошли в естественном для развития глобализирующегося Китая ключе. Период перестройки и сопровождающие его радикальные изменения в известной мере потрясли западный мир (хотя вряд ли эти события потрясли меньше и Азию с ее примерами подлинного социализма). Так, что даже многие инициаторы изменений в

разгар этого процесса все еще пытались понять, было ли то, что они испытали, реальностью. В это же время и в той же ситуации Китай располагал большим преимуществом в начале десятилетия. Кроме того, мы не должны забывать о том, что Дэн Сяопин — с китайской точки зрения — располагал возможностью не только избавить Китай от политической катастрофы, но и мог реагировать на определенные процессы, которые происходили во всем мире и на которые он, однако, не мог или не хотел реагировать. Здесь мы также хотели бы обратить внимание на *японское* экономическое чудо и произошедший вскоре после него модернизационный скачок во всей южной Азии, который невозможно не учитывать. Дискуссии о кризисе индустриального общества и появившееся позже открытое заявление о его кризисе, однако, не могут считаться оптимальным ответом на происходящие события, без упоминания о том, что чудовищный темп технологического прогресса поставил систему подлинного социализма в практически невозможную ситуацию. Кроме того, со структурной точки зрения, это общество не могло просто избавиться от какой-либо стратегии, или от любого принципа общества, которое не было индустриальным и не могло оставаться таковым.

Китай, с одной стороны, вполне осмысленно, а с другой — по стечению обстоятельств предстал как страна, *подготовленная* к глобализации. В первое десятилетие влияния глобализации Китай хранил молчание, в 2000 г. он объявил о себе.

Глобализация вместе с монетаризмом, господствующие с 1989 г., основаны на мировом функциональном значении великих акторов. Эти функциональные «действия» ослабляют государство, в частности в политической сфере, понимаемой в системно-теоретическом плане; не напрямую, но посредством по-разному проявляющихся

косвенных мер. За этим конфликтом можно усмотреть системно-теоретический контекст. Функционализм не связан с противодействием, ценностями, сделками и представлением интересов, в то время как политическое никогда не может быть в первую очередь функциональным. В противном случае все было бы идентично и определено, как в негативной утопии с мотивом всемирно-исторической катастрофы.

Вследствие этого глобализация дает государству *новое пространство для маневра* (при этом исторически государство является важнейшим институтом политического). Государство более или менее слабеет, но в этом новом пространстве может попробовать получить новые силы. Все эти попытки — происходят ли они *справедливо или нет, реформирующие или демагогические, освободительные или незаконные (of mafia type)* — однако не оказывают никакого влияния на фундаментальные основы глобального устройства, которые работают функционально.

Но если такое государство тем не менее пытается сопротивляться и агрессивно отвечать в соответствии со своей силой и при помощи политических инструментов, направленных на функциональное воспроизводство, это не изменяет основы глобального воспроизводства системы.

Не стоит путать такие проявления в качестве доказательства силы с тем, что в настоящее время происходит в Китае. Китай — как я уже обозначил, проявляя симметричную двойственность, — *подтверждает* тезис о фундаментальной природе глобализации на теоретическом уровне и в то же время *опровергает* его.

Теоретически Китай пошел противоположным путем. Из истории видно, как страна двигалась не в сторону структурного и функционального *ослабления* государства (как института. — *Примеч. переводчика*), мотивированного политической ситуацией, а, напротив,

по пути *усиления* его возможностей. Несмотря на все другие возможности, эта может только усилить государство, позволив ему *в условиях глобализации* обеспечить выполнение всех необходимых бизнесу и рынку функций в условиях монетаристской глобализации.

Таким образом, китайская концепция государства выступает не как *непринятие*, а как позитивное *подтверждение* существующей ситуации в мире. Китай знает и принимает запросы глобализации, однако действует при помощи таких структур и инструментов, которые не только не соответствуют новым компетенциям, но и, о чем уже неоднократно говорилось в качестве теоретического аргумента, они абсолютно *несовместимы* с идеей глобализации.

История возвышения Китая связана с деятельностью креативных кругов политической власти. За последние двадцать лет волей судьбы считается тот факт, что функционирование мировой системы едва стало возможным благодаря неолиберальным политическим институтам, терпению и постоянному процессу ослабления государства в пользу рыночных механизмов.

Китай является исключением. Это очень важно, так как Китай не мельчайший, а уже крупнейший актер, который примеряет на себя роль исключения.

Существование политической силы — реальность, что не означает, что настоящий вопрос легитимации текущего политического режима не будет всегда актуален. На протяжении нескольких исторических периодов (иногда в периоды существования демократии) политический гегемон обладал правом выполнять функции интеграции и управления социальным воспроизведением. *Политическая власть также может быть творческой* (есть несколько обратных примеров). Креативность политической власти рассматривается как один из важнейших неполитических вопросов подлинного социалистического

режима, благодаря которому эта система вскоре устаревает и уходит с мировой исторической сцены. «Власть», как мы уже отметили, в конце концов предстанет как неспособная адекватно управлять социальными процессами. Вот почему такая власть не является креативной.

Еще с самого начала подлинный социализм находился под серьезным двойным давлением. Во-первых, в начале существования режима, он еще не был морально легитимизирован и, возможно, считался незаконным захватом власти. Во-вторых, давление возникло из-за необходимости доказать свою успешность в управлении социальными процессами. Другими словами, *давление выражалось в существовании диктатуры и необходимости продемонстрировать успешность в решении фактических вопросов касательно воспроизводства социальной системы.*

Исходя из знаний о легитимности недемократического режима, революционного или насильственного захвата власти (фактор «диктатуры»), этот комплекс явлений в китайской истории отличается от подобных событий в Советском Союзе. В связи с этим идейные основы китайского коммунизма не обязательно должны восприниматься негативно. Огромное количество важнейших исторических событий, среди которых: падение Империи, правление партии Гоминьдан, многочисленные японские интервенции, период Чан Кайши, Гражданская война и объединение китайского народа против японской агрессии, Долгий Март, влияние Коминтерна и другие попытки колонизации Китая, стали самыми продуктивными для развития в истории, тем не менее другой масштаб и сила событий, а также другой характер политической культуры революционных выступлений не обязательно наносит одинаковый моральный урон, как, например, случилось с советской версией практического социализма.

Поэтому креативность политической власти состоит в продолжении политики функционального разделения труда и в возможности обрабатывать информацию высокого качества и в больших количествах. Эти требования изменяют значения номенклатуры. Номенклатура, характерная находчивостью бюрократических схем затягивания результатов, посвященных своим собственным интересам или завоеванию власти, была сломлена, если не абсолютно искоренена. Сейчас эта группа считается классом, который в Китае обновляется наряду с другими социальными группами. Ее участие должно быть сильно расширено, а функции еще более уточнены.

Многие эксперты считают, что Китай имитирует применение инноваций, но к сожалению, это остальной мир сегодня довольно открыто имитирует достижения Китая касательно многих проблем: социальных, стратегических и управленческих.

С разочарованием мы наблюдаем за прыжками молодых тигров (метафора на современный Китай. — *Примеч. переводчика*), о которых мы не узнали вовремя. Общество, погибающее в долговых обязательствах, даже не потрудились серьезно рассмотреть Юго-Восточную Азию в качестве альтернативы своему миропорядку.

Китай распространяет влияние *снизу вверх* и в таком качестве появляется и в других частях земного шара. Соединенные Штаты (и западный мир) проводят политику *сверху вниз*, посредством увеличения количества крупных предприятий, финансовых кредитов и распространения идеологии. Китай стремится к усилению, чтобы работать со всеми остальными частями мира; Соединенные Штаты (и западный мир) — намеренно или нет — в то же время не способны реализовать такую стратегию, так как модернизация в этих странах уже освоила фазу индустриализации, в то время как во многих

регионах мира она еще не началась. Руководство США и западных стран могут лишь избирательно предложить новые возможности в сфере трудоустройства, что уже много говорит о социальной значимости этих связей. Китай основывает политику на взаимодействии, Соединенные Штаты (и западный мир) — нет, и только потому, что так теряется признание роли других игроков.

Успех китайской политики в Африке является тем более примечательным, что в последние десятилетия это регион был примером неудачной западной политики в области развития. Несколько десятилетий назад эта политика вызывала не только разочарование, но и была скандально известна девизом «После нас хоть потоп» (метафора была отвратительно неправильной, так как в Африке никогда не было достаточно воды). Китайская политика развития имеет не только продуманную стратегию, но и сложную систему ценностей; она не является ни колониалистской, ни идеологической, ни сентиментальной. Эта политика развивается без распространения идеологии, не имеет целью обратить в свою веру. Она направлена на поиск общих преимуществ и реципрокный обмен, вместе с которыми она, вероятно, сможет оказать и оптимальный педагогический эффект на местное население. Построение политики сверху вниз может быть органично, построение политики снизу вверх по большей части — нет.

Западная глобализация освобождает из-под своего контроля акторов для глобальных действий. И Китай, с одной стороны, освободил своих представителей, но одновременно хочет контролировать их. С другой стороны, эти меры дают определенную свободу действия актерам внутри партии, что делает ее «театром военных действий», возникшим из-за появления этих самых свобод. Очевидно, кроме новых возможностей, в Китае возникают и многочисленные проблемы, связанные

с появившимися свободами и инструментами управления ими. С другой стороны, новое явление свободы действий глобальных акторов также трудно воспринимается и в Соединенных Штатах (и в западном мире) и вряд ли считается жизнерадостной успешной новостью.

Китайский политический истеблишмент является патриархальным и авторитарным. Тем не менее непозволительно считать, что эта страна сравнима с Мексикой, где возникла партия «институциональной демократии». От многогранной и творческой политической обстановки в Мексике мы ожидаем лишь снисхождения и спокойствия и не можем сравнить ее с китайской.

Даже самый ожесточенный противник китайской политики или самый ярый антикоммунист не может не сказать, что Китай в настоящее время является самой успешной страной в глобализованном мире. А ее достижения состоят не из чего иного, как из моментов и мотивов, применяемых в коммунизме советского типа.

Мы назвали глобализацию *Диалектикой Модернизации (Dialectics of the Modernization)*. Для Китая глобализация является подлинным началом модернизации. Китай — это *Диалектика Коммунизма (Dialectics of the Communism)*.

Сегодня Китай отличается от других посткоммунистических государств. Он был защищен от опасных последствий посткоммунистического *регулирования*, так как продолжительность существования модели политического режима сократила значение внезапных политических решений (в смысле, который придавал этому явлению *Карл Шмидт*). В других странах в это время элиты действовали без какой-либо модели поведения и взаимного консенсуса, что привело к управлению по случаю. Логически Китаю удалось избежать и дискурса «конца истории», *изменение политической элиты* в Китае означало и изменения во многих других аспектах. Очевидно, что это развитие привело и к

появлению *социально-психологического* переосмысления, которое позволило глобализации распространиться в массах населения, чего не произошло в других посткоммунистических странах.

Индивидуализация как сложнейшее испытание

По мере того как развивается новая политическая ситуация, процесс индивидуализации станет ключевым в исторической перспективе.

В настоящее время китайская культура и общество противоположны существующей на американском полюсе полной и окончательной индивидуализации. Американское общество стояло у истоков процесса, многие считают его примером такой индивидуализации, которая не всегда точно соотносится с внутренними потребностями населения.

Процесс индивидуализации, проявляющийся сегодня в Китае, также более не может быть универсальным. Вскоре, возможно, будут параллельно происходить эти три важнейшие тенденции:

1) современное воспроизведение классической *европейской* индивидуализации;

2) «индивидуализация» новой массовой культуры *американского* происхождения;

3) практически универсальная *постмодернистская (post-modern)* индивидуализация.

Процессы индивидуализации могут вновь *по-разному* коснуться складывающихся полюсов. Не только потому, что они заканчиваются только на одном из них, но потому, что оба полиса узаконили *собственные основы функционирования индивидуальной системы*. Оба философских основания лежат в основе организации обоих конгломератов.

Новая асимметрия тем не менее возможна. В то время как на одной стороне эти три процесса индивидуализации идут для того чтобы оказать большое влияние на Китай, Китай, с другой

стороны, скорее всего, не будет оказывать такое влияние на другую сторону. Антииндивидуалистическая тенденция, вероятно, не будет актуальна.

Обычно мы рассматриваем и особенности культурных традиций. Бесспорно, существуют различные масштабы их различий. Тем не менее мы не станем повторять ошибки, сделанные С. Хантингтоном, который спроектировал эти огромные различия на настоящее при помощи ошибочных суждений и недоказанных событий. Он превратил их в инструмент, облачив в неисторическую форму теоретической интерпретации настоящего.

Могут ли важнейшие особенности китайской цивилизации и китайского общества быть такими, какие они есть? Они могут вступить в силу только в экономической и политической сфере и через активное участие в интерпретации настоящего.

Элементы культурных традиций, в широком смысле этого слова, смогут, в большинстве случаев, сыграть свою роль в новом глобальном мире. Таким образом, остается только ждать, что существующая американская цивилизация (культура), объединяющая отсутствие позитивистских ценностей и оценок, наряду с религиозным фундаментализмом, и сильная китайская культура, которая, в конце концов, не вернется к регулированию ценностей и повседневной жизни, установят определенную и в теоретическом плане невидимую оппозицию друг другу.

Как бы то ни было, ведущий признак китайской политики, проявившийся в качестве повсеместно применяемого, кажется, с трудом может подтвердить огромный и отчасти мифический кон-

текст особых китайских особенностей развития. Одним из определяющих вопросов будет то, какая американская (американо-европейская) или китайская философия организации проявится и будет более применима в сравнении с историзмом остальных стран.

Будущая конкретная область исследования и точки сравнения будут, возможно, встраивать в новую биполярность *корпоративную культуру* или, скорее, *корпоративную философию*. Китайская концепция корпоративной культуры усугубляет базовые проблемы человеческой жизни при глобализации в неожиданно большом количестве фактических аспектов. *Суперчеловеческие (overpersonal) и собственносоциальные моменты были резко переориентированы*. Так вновь проявляются индустриализм и постиндустриализм в новом свете, не говоря о том, что противоречия постмодернистского общества непотребления должны проявиться вместе с идеологией потребления в ярком свете. Абсурдность этого сосуществования ценностей проявляется в сравнении с китайской корпоративной культурой, и эта модель грозит многим сообществам, так как они не смогут выровнять эти противоречия своими силами.

Для нас глобализация фактически уже имеет свою историю. Мы хотели доказать это на примере имперского дискурса.

Эпоха нового сопоставления ценностей (с соответствующими ему сопровождающими явлениями и вспомогательными структурами) только теперь становится реальной.

Литература

1. Baudrillard J. Die göttliche Linke. — München, 1986.
2. Benedikt M. Kein Ende der Zukunft. — Wien: Kant + Turia, 1997.
3. Chumakov A.N., Gay W.C. (eds.) Global Studies Encyclopedia. — Moscow, 2003.
4. Diehl K. und Mombert P. (ed.) Wirtschaftskrisen. Ausgewählte Lesestücke zum Studium der politischen Ökonomie. — Frankfurt am Main; Berlin; Wien: Ullstein, 1979.

5. *Diner D.* Imperialismus, Universalismus, Hegemonie. Zum Verhältnis von Politik und Ökonomie in der Weltgesellschaft // Politikwissenschaft. Szerk. Iring Fetscher és Herfried Münkler. — Reinbek bei Hamburg, 1985. Rowohlt. — 326–360.
6. *Ehrke M.* Das neue Europa. Ökonomie, Politik und Gesellschaft im postkommunistischen Kapitalismus. Budapest, 2004. — URL: <http://library.fes.de/pdf-files/id/01456.pdf>.
7. *Fanon F.* Die Verdammten dieser Erde. — Reinbek bei Hamburg, 1969.
8. *Fourastié J.* La civilisation de 1995. — Paris. 1974.
9. *Fukuyama F.* The end of history and the last man. — New York; Toronto, 1992.
10. *Gehlen A.* Über kulturelle Kristallisation. // Gehlen A. Studien zur Anthropologie. 1963.
11. *Giddens A.* Die klassische Gesellschaftstheorie und der Ursprung der modernen Soziologie // Geschichte der Soziologie. Studien zur kognitiven, sozialen und historischen Identität einer Disziplin. Szerkesztette: Wolf Lepenies. I. kötet Frankfurt am Main, 1981, Suhrkamp. — P. 96–136.
12. *Grinin Leonid.* Macrohistory and Globalization. — Volgograd, 2012.
13. *Hardt M. Negri A.* Empire. — Cambridge, Mass; London: Harvard University Press, 2000.
14. Historikerstreit. Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung. — München; Zürich, 1987.
15. *Huntington S.P.* Kampf der Kulturen? Die Neugestaltung der Weltpolitik im 21. Jahrhundert. — München: WienEuropa Verlag, 1996.
16. *Inglehart R.* The Silent Revolution. — Princeton, 1977.
17. Kaempfer W., Neidhöfer H., & Ternes, B. (Eds.) Die unsichtbare Macht. Neue Studien zu Liberalismus-Kapitalismus. — Berlin, 2005.
18. *Kennedy P.* Aufstieg und Fall der grossen Mächte. Ökonomischer Wandel und militärischer Konflikt von 1500 bis 2000. — Frankfurt am Main, 1989 (ursprünglich: 1987).
19. *Kiss E.* A Philosophy of Globalization. // Age of Globalization. Studies in Contemporary Global Processes. — 2010 — № 2 — P. 53–65.
20. *Kiss E.* The Dialectics of Modernity. A Theoretical Interpretation of Globalization // Journal of Globalization Studies. 2010 — Vol. 1. — Number 2. — P. 12–26.
21. *Kiss E.* Hypothesen über China unter dem Blickwinkel der Globalisierung // Der Aufstieg Chinas zur Weltmacht und die Chancen für eine globale Friedensordnung. Beiträge zum 17. Dresdner Symposium für eine globale Friedensordnung, DSS — Arbeitspapiere. Heft 106. — Dresden, 2013. — P. 4–10.
22. *Kiss E.* A Possible History of Globalization and Challenges of the Twenty-First Century // This Globalizing World. Edited by Alexander Chumakov, Leonid Grinin. — Volgograd: «Uchitel» Publishing House, 2015. — P. 167–173.
23. *Leonhard W.* Die Revolution entlässt ihre Kinder. I–II. kötet. — Leipzig, 1990.
24. *Luhmann N.* Zweckbegriff und Systemrationalität. — Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1973.
25. *Marcuse H.* Der eindimensionale Mensch. — Neuwied und Berlin, 1967 (first published 1964).
26. Mazour I.I., Chumakov A.N., Gay W.C. (eds.) Global Studies Encyclopedia. — Moscow, 2003.
27. *Meyer M.* Ende der Geschichte? — München; Wien, 1993.
28. *Michels R.* Masse, Führer, Intellektuelle. Politisch-soziologische Aufsätze. Frankfurt — New York, 1987.
29. Piepmeier Rainer «Das Ende der Geschichte». In Willi Oelmüller (ed.): Normen und Geschichte. 1979.
30. *Polányi Karl.* Der Hundertjaehrige Frieden // Internationale Beziehungen. Herausgegeben von Ekkehart Krippendorf. — Köln, 1973 (Kiepenhauer-Witsch, 38–55).
31. *Rifkin J.* Das Ende der Arbeit und ihre Zukunft. Frankfurt. — New York, 1996 (first published 1995).
32. *Schumpeter J.A.* Zur Soziologie der Imperialismen. — 1919.
33. Schmied-Kowarzik W. (ed.) Verstehen und Verstaendigung. Ethnologie, Xenologie, Interkulturelle Philosophie. — Würzburg, 2002.
34. *Servan-Schreiber J-J.* Die totale Herausforderung. — Wien; München; Zürich; New York, 1980.
35. *Vergin F.* Das unbewusste Europa. — Wien; Leipzig, 1931.
36. *Wittfogel Karl A.* Geopolitik, geographischer Materialismus und Marxismus. // Politische Geographie. Szerk. Josef Matznetter. — Darmstadt, 1977. — P. 183–232.

**Перевод статьи с английского языка осуществила молодая
исследовательница факультета политологии
МГУ имени М.В. Ломоносова**

Антонина Матиешина

